

СТАРЫЙ МОЙША И НОВЫЙ СЮРТУК

Кто не знает старого Мойшу с Молдованки? Всю жизнь он просидел за швейной машинкой. Казалось, что в жизни ему ничего больше не надо, как прострочить очередной шов нового платья. Мойша не просто портняжничал, он был поэтом, философом, гением швейного дела.

Когда он еще был маленьким мальчиком, его отец - известный в то время портной, говорил ему:

- Мойша, твой пращур одевал еще Эхнатона Египетского. Не стремись к богатству, но учись и постигай тайны нашего мастерства. Одевай людей и получай столько, сколько они тебе за это дадут. На жизнь хватит, а все остальное - лишнее.

Так Мойша и жил. Не забывал благодарить Бога за то, что он даровал ему талант, а вместе с ним - радость в жизни. Семья была довольна. Чтили Закон и соблюдали Шабат.

Слава о портном с Молдованки со временем распространилась по всей Одессе. Театралы, военные и великосветские повесы - все желали пошить у Мойши. А тому в радость, большего он и не хотел желать, помнил слова отца: «Семья должна жить сытой, а все остальное - лишнее».

Но была у Мойши одна заветная, тайная мечта. Хотел он пошить и себе сюртук, не просто новый, в синагогу ходить, а всем сюртукам сюртук. Да все времени не хватало. Сукна английского он припас давно, пересыпал его нафталином и спрятал на дно сундука, справил и отрез шелкового подклада и его аккуратно уложил туда же, завернув все это в ослепительно белую скатерть с цветной расшивкой изощренных узоров.

Вечерами, по праздникам, когда вся семья уже спала, он доставал свое богатство и долго-долго прикидывал, как будет кроить свой пасхальный сюртук. Потом тщательно обнюхивал отрез, проверяя, насколько наделено он пропах нафталином и сбережен от коварной моли, и вновь прятал его на дно сундука все в той же скатерти. Ночами после этого Мойше не спалось, казалось, глаза его светятся в темноте и промеряют по миллиметрам, как пойдет стежка по плотному, но мягкому английскому сукну. А тут случилась империалистическая война. Заказов почти не стало, делать нечего, и Мойша подумал: «Жизнь свою я прожил, дети разъехались невесть куда, Сару уже схоронил и слезы вытер. Пошью-ка, наконец, я себе сюртук заветный. Не удалось мне пощеголять перед соседями, так пусть они меня в нем хоть похоронят. Вот и окажется, что перехитрил я судьбу свою - буду на Том Свете вечно в нем хаживать, да с Сарой под ручку гулять по Райскому саду. Сегодня уже праздник, - подумал Мойша, - за неделю справлю себе обновку и следующий Шабат буду отмечать в новом сюртуке.

От счастья Мойша, казалось, помолодел, перестал даже шаркать по полу оторвавшейся подошвой старого протертого тапочка. Когда на небе взошла третья звезда, Мойша умыл лицо теплой водой, тщательно вымыл руки, достал из сундука свое сокровище и разложил его на столе на ослепительно белой скатерти.

Положенного в таких случаях угощения у него не было, поэтому он достал мацу, загодя заготовленного вина, хорошего, купленного у пинхаса, налил в блюдечко масла, принес сушеных фруктов. Проверил, плотно ли закрыта дверь, сам зажег свечи и уселся ужинать. С бокалом вина в руке, вслух, хотя никто его не слушал, произнес принятые в таких случаях слова, с удовольствием выпил несколько глотков и долго в задумчивости размачивал мацу в оливковом масле, окунул ее в хорошо растертые приправы и с удовольствием пережевывал, добавляя в рот сухих фруктов. При этом глаза его никак не могли оторваться от завернутого сукна и переливающегося в свете свечей подклада.

Он с охотой открыл Талмуд, помянул добрым словом Создателя и шепотом себе под нос начал читать священные строки, мудрость которых сквозь века несла благую весть всем веровавшим в Спасителя и чтящим священные строки.

«Двое держатся за талит*, стоя перед судом, - читал он. - Один из них говорит: «Я нашел его». И другой говорит: «Я нашел его». Один из них говорит: «Весь он мой». И другой говорит: «Весь он мой». Пусть этот один из них поклянется, что не принадлежит ему меньше, чем половина его. И судьи разделят талит поровну между ними. Если же этот один из них говорит: «Весь он мой», а этот другой говорит: «Половина его моя», пусть тот, кто говорит: «Весь он мой», поклянется, что не принадлежит ему в нем меньше, чем три части. А тот, кто говорит: «Половина его моя», пусть поклянется, что не принадлежит ему меньше четверти талита. (*Талит — еврейское молитвенное облачение, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало - *иврит, идиш – талес*).

Этот первый из них берет три части, а этот второй берет четвертую часть».

Мойша остановился читать, перевел дыхание, размочил еще кусочек мацы в масле и положил его в рот. «Создатель, - думал он, - неужели кто-то может сказать, что хоть какая-то часть этого твоего дара может принадлежать не мне, а кому-то другому»? Мойше стало жутко от этой мысли, он пошел проверить засовы на двери, плотнее задвинул шторы на окнах, вновь уселся за стол, но уже ни есть, ни пить не хотелось. Он аккуратно запаковал в белую скатерть свое сокровище и убрал его на старое место. Всю *ночь* он просидел за столом, погруженный в свои мысли, и только под утро сон сморил его. Мойша, не раздеваясь, прилег на сундук и крепко заснул.

Проснулся он в нервном возбуждении и весь субботний день провел в синагоге за страстным чтением священных книг. И поскольку душа его была озарена светом радости от предстоящего, он торопил время, и ничто не могло отвлечь его от этого ожидания.

В воскресенье он встал затемно, долго умывался теплой водой, но завтракать не стал. Пришел тот миг, которого он ждал, может быть, всю жизнь. Мойше не надо было делать никакой предварительной работы, у него все уже было рассчитано по миллиметрам.

Несколько дней он почти не пил, не ел, накоротке забывался над кроильным столом, обнимая и поглаживая раскройку, из которой с каждым движением его пальцев все более отчетливо проступало то, что скоро должно было стать его «лебединой песней». К концу недели, в пятницу, сюртук был готов, аккуратно одет на манекен и покрыт все той же ослепительно белой с вышивкой скатертью.

Впервые одеть сюртук он решил в субботу. В этот вечер он достал из комода бедую косоворотку и переоделся. Долго и тщательно расчесывал волосы. Он был готов к тому, чтобы сакральный смысл бытия материализовался в его новом облике, и мечта его жизни стала реальностью. Сдерживая нервную дрожь, он поглядывал с завистью на манекен, как вдруг в дверь тихонько постучали. «Спаситель, - вздрогнул Мойша, - кто бы это мог быть некстати?» Он решил не открывать, дабы не нарушать таинства происходящего. Но стук повторился.

- Мойша, - раздалось тихо за дверью, - это я, твой сосед Самуил, открой, пожалуйста, я знаю, ты дома.

После некоторых колебаний Мойше пришла в голову мысль: «А что, было бы неплохо похвастаться перед Самуилом в новом сюртуке. Он об этом расскажет соседям, и все будут говорить, что он, Мойша, еще, в общем-то, очень даже может выглядеть щеголем, если захочет; что у него золотые руки и его Сара на Том Свете гордится им.

Он открыл дверь.

- Здравствуй, Мойша, - сказал Самуил, - извини, что потревожил в Шабат. Дело есть к тебе. Приехал ко мне племянник из Жмеренки. Скоро ему исполняется тринадцать лет, и он станет взрослым человеком (*По еврейской традиции в день тринадцатилетия мальчик проходит обряд совершеннолетия, после чего считается взрослым), а в Жмеренке, оказывается, откуда-то знают, какой ты у нас портной. Вот и хочет он именно у тебя пошить сюртук к этому дню. Как, Мойша, ты не откажешь?

Мойше очень не хотелось думать о племяннике, но душевный голос старого приятеля заставил его отвлечься от своей тайной радости, и он, как бы в полусне, спросил:

- А где твой племянник?

- Да вот, на улице ожидает.

- Ну, зови его в дом, чего человека за дверью держать?

Вошел племянник - черноволосый юноша - красавец, ростом с Мойшу с чуть-чуть на выкате огромными глазами и счастливым своей молодостью улыбающимся лицом, а за ним, как бы протиснувшись, Симочка, великолепная Симочка - жена Самуила, о которой когда-то грезил вся молодежь с Молдованки. Теперь она стала старой и неинтересной женщиной. В руках она держала увесистый узелок.

- Здравствуй, Мойша, пусть будет светлым твой праздник, - сказала она и спряталась за плечи мужчин.

- Здравствуйте, уважаемый, - почтительно произнес и потупил свой взгляд юноша, считая неловким смотреть в глаза самому Мойше.

Мойшу как током ударило. Он еще не успел осознать происходящее, но где-то там, внутри, у него уже был ответ на никем не заданный вопрос. Вся жизнь его пролетела в его сознании за один миг, а одна мысль назойливо рвалась вперед, мысль о том, как когда-то, когда он был такой же молодой и красивый, как этот юноша, ему очень чего-то хотелось. Чего? Мойша не мог вспомнить. Но он помнил, как ему всегда не хватало этого.

- Мойша, - раздался вкрадчивый голос Самуила, - ну как, поможешь?

Самуил развернул на столе отрез дешевенького рыхлого сукна, бросовый ситцевый подклад.

- Товар у нас свой, - сказал он.

- «Запомни, Моисей, - почему-то пролетело в сознании Мойши громогласно, - никто не должен войти в Священную Землю из вас. Потому, что все вы рабы. Только свободные люди имеют право жить в ней».

И в этот момент Мойша вспомнил, как солнечным утром молодые парубки богатых родителей, все разодетые, как на показ, выходят на улицу и, подражая взрослым как могут, чинно прогуливаются по ней, а не менее разодетые паньчки, группками, в тени каштанов нетерпеливо ожидают приглашения от них на гулянье по Приморскому бульвару, где в такие цветущие дни, казалось, собирается вся Одесса, и даже в последние тяжелые годы играет духовой оркестр.

А они, дети небогатых родителей, одетые во все чистое, но не модное, без фасона, глядя украдкой на своих счастливых сверстников, только и могут мечтать не о своих прогулках с красивыми паньчками, а о том, как тем будет хорошо и весело подкатить на пролетке к Дюку и, шумно вылезая из нее, вальяжно спросить у извозчика:

- А что, любезный, «Великий князь» еще в порту или уже ушел в Константинополь? - и, не дожидаясь ответа, бежать по Приморскому к А.С.Пушкину, оттуда на площадь оперного театра, где вечно толпится одесский бомонд, и далее - в угловую кофейню на

Дерибасовской и снова к Дюку, но уже с другой стороны.

Мойша отчетливо представил, как его хоронят в сюртуке, как над ним склоняется его бедная родня и все шепчутся: - «Надо же, Мойша-то наш что отчудил, был у него прекрасный сюртук, один такой на всю Одессу, так он его догадался забрать с собой. Зачем он ему там? Э, эх, Мойша, а ведь не жадный был человек».

И тут до его сознания дошло: «Действительно, а что я Там буду в нем делать? Кто из соседей меня Там в нем увидит? И Сара не привыкла видеть меня таким. Ведь может и не узнать меня. А этот бедный молодой человек, который стоит передо мной, мог бы гордо ходить всю жизнь в нем и все говорили бы:

- Надо же, какой сюртук пошил старый мастер, век носится и все как новый, внуки еще находятся в нем. Аи да Мойша свой сюртук не пожалел молодцу. Святой был человек, нежадный.

- В конце концов, - думал Мойша, - на две трети этот сюртук навсегда останется моим, я его создал. А сукно, что они принесли, вполне подойдет, чтобы соседи увидели меня в вполне приличном виде в последний раз. Да и в Царстве Небесном неизвестно, ходят ли в сюртуках или как? Если нет, то куда я с ним там денусь? И потом, из хорошего сукна любой пошьет, но я, должен пошить не хуже из этого. Вот тогда-то и скажут, что у меня золотые руки, что таких портных за всю Одессу не знали никогда.

Юноше сюртук был как раз впору, даже перешивать не пришлось. Мойша молча завернул его в белую как снег скатерть.

Только и сказал:

- Будь счастлив, сынок, и помни: «Добро рождает добро, а зло рождает зло».

Самуил незаметно кивнул Симочке, та кинулась к столу, поставила на него узелок и развернула. В нем было собрано по особому случаю все, что положено на Шабат.

Прежде всего, она извлекла букетик нарциссов и поставила его в вазочку на комод.

- Помнишь, Мойша, - сказала она, - Сарочка никогда не забывала купить нарциссы, я вот в память о ней сегодня припасла букетик. Шабат-то сегодня не простой - двойной праздник. Сегодня ведь тринадцатое число - священное число любви. А тебе, Мойша, я испекла халу, сам ведь ты не будешь ее готовить, а, помнится, ты любил, особенно, когда ее посыпали зернами. Хотела тебе угодить, так кусочек халы, как положено, сожгла, остальную посыпала маком.

Сима не скупилась на угощения, хотя ей недешево это стоило. Вскоре на столе аккуратно были расставлены большой кусок фаршированной рыбы, чолнт, половина жареной курицы, цимес, салат из рубленных яиц с луком, «четверть» компота. Вино и сухие фрукты уже стояли у Мойши на столе.

- Ты уж извини, Мойша, по кусочку рыбки и курочки я своим оставила. Коль Сары нет с нами, позволь я зажгу тебе свечи, а ты потом зажжешь авдуле (*Авдуле - свеча, которую зажигают в конце Шабата).

Денег на богатый стол у Мойши не было, но свечи он выбрал отменные. Авдуле была длинной и разноцветной, заплетенной как коса у молодой красавицы из тонких светлых и синих полосок. Он долго колебался перед покупкой: разориться на авдуле или купить халу. Но потом решил, что обойдется мацой. В такой день, решил он, не о плоти, а о душе думать надо.

- Мойша, спасибо тебе и хорошей недели, сказал Самуил. Юноша и Сима тоже начали прощаться, благодарно кланяясь Мойше,

- Ну нет уж. лучший праздник - это когда у тебя в доме желанные гости, - сказал

Мойша. — Садитесь за стол, будем вместе праздновать и Шабат, и день любви.

Вечер прошел за неторопливой, душевной беседой. Вспомнили Сару, поговорили о детях, не забыли и Священное писание. Компания пиновала до того, как горела авдуле, когда она была на исходе, хозяин загасил ее в нескольких каплях вина, а гости с удовольствием понюхали пряности в коробочке, которая стояла тут же. Ужин закончился, и все довольные друг другом стали прощаться.

- Освящение субботы дает человеку полное духовное изменение, - радостно произнес Мойша, прощаясь с гостями. - Священное писание гласит, что в субботний вечер с наступлением темноты человек получает «дополнительную душу». Но необходимо освободить ей место в своем внутреннем мире, отвлечь свои мысли от будничной суеты и отбросить все, что связано с материальной сферой. Только тогда «дополнительная душа» сможет найти себе место там, где раньше его занимали повседневные заботы. Вы помогли мне сегодня обрести «дополнительную душу». Спасибо вам.

Когда соседи ушли, старый Мойша долго сидел за раскроечным столом. Потом взял кусок оставленного Самуилом сукна, машинально разложил его на столе, подумал:

- Сукнишко-то слабовато, но я знаю, как с ним обойтись. Сюртук выйдет ого...го, уж я-то ручаюсь, что все ахнут, увидев меня в нем. Потом будут говорить: «Вот, мол, был старый Мойша, все-то у него в руках горело. Только посмотрите, из бросового сукна какой сюртук сварганил. Одно загляденье, в таком и в синагогу не стыдно пойти, и предстать перед Создателем. Ох, и щеголь, все-таки, этот наш Мойша!»